

Спортивные соревнования закончились.

Се Хуайде и Сюй Чжися по-прежнему сидели за последней партой у окна и всё так же не обмолвились ни словом. Однако та острая, готовая в любой момент взорваться враждебность, казалось, немного поутихла. На смену ей пришло нечто более сложное — состояние напряженного противостояния, в котором оба внимательно следили друг за другом, не доверяя ни на миг.

Се Хуайде поймал себя на том, что начал изучать Сюй Чжися с пугающей дотошностью.

Он замечал, как Сюй Чжися, наткнувшись на особо сложную задачу, бессознательно трижды постукивал кончиками пальцев по черновику, прежде чем коснуться пером бумаги.

Замечал, что, когда тот с головой уходил в чтение, левая бровь едва заметно приподнималась.

Замечал, как иногда, глядя в окно, Сюй Чжися не просто погружался в покой, а словно отстраненно витал где-то далеко, в какой-то пустоте.

Эти открытия раздражали Се Хуайде, но в то же время приносили извращенное удовольствие, будто он подглядывал за чужой тайной.

Самому же ему становилось то лучше, то хуже. Порой он мог проспать весь день, погрузившись в беспамятство, а порой на него без всякой причины накатывала давящая пустота и такая усталость, будто из него выкачали все силы. В такие моменты даже привычная маска озлобленности на лице давалась ему с трудом.

Иногда случались провалы в реальности. Например, когда учитель химии объяснял очередную тему, Се Хуайде вдруг казалось, что окружающий мир качнулся, а в ушах раздался призрачный, смутный звук, похожий на звон разбивающегося стекла. Следом накрывало короткое головокружение, и в сознании мелькали неясные, хаотичные фрагменты, ухватить которые было невозможно.

Когда он приходил в себя, то обнаруживал, что покрылся холодным потом, а настроение стало еще хуже.

Он знал, что это такое. Но никогда не задумывался глубоко, просто мотал головой или впивался ногтями в перепонку между большим и указательным пальцами, подавляя этот миг потери контроля при помощи боли.

Сюй Чжися, кажется, что-то заметил.

Однажды Се Хуайде только отошел от подобного приступа: лицо бледное, рука непроизвольно потянулась к карману за лекарством, но нащупала лишь пустоту.

В этот самый миг на его парту легла конфета. Ее дал Сюй Чжися. Обычная фруктовая карамель в белой обертке. Не особо вкусная.

?

Се Хуайде резко повернул голову.

Сюй Чжися, как и прежде, смотрел в книгу, и линии его профиля в осеннем свете казались немного размытыми.

— Чего тебе? — спросил Се Хуайде.

— О чем ты? — Сюй Чжися наконец повернулся к нему.

Се Хуайде кивнул на появившуюся на столе конфету:

— Сама знаешь.

— Мне она не нужна, забери обратно.

— Это не моя. С потолка упала, — пояснил Сюй Чжися и, не сказав больше ни слова, снова уткнулся в книгу.

Конфеты падают с потолка сами собой? Се Хуайде даже усмехнулся от абсурдности ситуации.

— Ха... ну ладно, раз с потолка. — Се Хуайде бросил конфету в ящик парты, так ее и не съев. Сюй Чжися больше на него не смотрел.

Но Се Хуайде понимал: что-то изменилось. Сюй Чжися наблюдал за ним — молча, способом, который было невозможно до конца понять. Это вызывало у него чувство незащищенности и тревоги, какого он не испытывал прежде.

На переменах Ци Юй по-прежнему шумно прибежал к последним партам. В основном он искал Сюй Чжися, иногда пытался заговорить с Се Хуайде, хотя чаще всего не получал ответа.

Фань Ро и Линь Яньцин иногда обсуждали что-то на задних рядах. Их голоса были негромкими, но от них веяло той самой живой атмосферой обычных старшекласников, наполненной мелкими заботами и радостями.

Линь Си оставалась такой же тихой. Иногда она подходила к Сюй Чжися с заковыристыми задачами по математике, он лаконично объяснял, а она всегда искренне благодарила.

Се Хуайде чувствовал себя чужаком, наблюдая за всем этим. Порой он со злорадством думал: если бы все они узнали, какие странные и пугающие отношения связывают его и Сюй Чжися наедине, что бы они почувствовали?

В один из дней поздней осени пошел дождь. Капли непрерывно барабанили по стеклу, небо было таким хмурым, что становилось тяжело дышать.

Последним уроком была самоподготовка. В классе стояла тишина, нарушаемая лишь шорохом ручек по бумаге да монотонным шумом дождя за окном. Се Хуайде лежал на парте, но сон не шел. Звук дождя усиливал беспричинную тревогу и пустоту внутри, они разрастались, как ползучий плющ, сжимаясь всё сильнее.

Он чувствовал тяжесть в груди, дышать стало трудно. В голове замелькали смутные фрагменты, пропитанные тяжелыми эмоциями — словно кадры старого выцветшего фильма, где невозможно разобрать сюжет, зато давящее чувство безнадежности ощущается почти физически. Се Хуайде, пряча руки под партой, сжал кулаки так, что ногти вонзились в ладони, пытаясь удержать остатки самообладания при помощи боли.

В этот момент он почувствовал, как Сюй Чжися рядом пошевелился.

Сюй Чжися достал из бокового кармана рюкзака белую плоскую коробочку и тихо положил ее в зазор между их партами, ближе к ножке стола со стороны Се Хуайде.

Это был новый, нераспечатанный обезболивающий пластырь. Надписи на упаковке отчетливо виднелись.

Положив коробочку, Сюй Чжися вел себя так, будто ничего не произошло, и продолжил писать.

Тело Се Хуайде застыло. Он не сводил глаз с белой коробочки, а шум дождя за окном, казалось, стал оглушительным. Откуда Сюй Чжися знает, что ему это иногда нужно? Догадался? Или наблюдал?

Паника оттого, что его насквозь видят, смешивалась с раздражением и едва уловимым, даже им самим не признаваемым чувством... странным ощущением того, что его заметили. Это чувство внезапно накрыло его с головой.

Ему хотелось пнуть эту коробку или схватить и бросить Сюй Чжися в лицо.

Но в итоге он не сделал ничего. Остался лежать, не двигаясь, будто уснул. Лишь он сам знал, как мелко дрожат его сжатые кулаки и как глубоко ногти врезались в кожу ладоней, оставляя красные следы.

Дождь продолжал лить, и, казалось, он не собирается прекращаться.

Прозвенел звонок с урока. Се Хуайде первым вылетел из класса, не глядя ни на белую коробочку, ни на Сюй Чжися.

Он бежал под дождем обратно в общежитие и промок до нитки. Захлопнул дверь и сполз по ней на пол, прислонившись к холодной панели. Вода стекала с волос. Он тяжело дышал, глядя перед собой пустым взглядом.

На столе лежал клочок синей бумаги, отсыревший от влаги, что проникала через окно; его края слегка свернулись.

Он не притронулся к нему.

Кое-что начинало медленно и неотвратно подниматься на поверхность. В этот дождливый осенний вечер незримая стена между двумя подростками словно пропиталась дождем, обнажая скрывающуюся под ней более сложную и неоднородную суть их отношений.

<http://bllate.org/book/21841/2264368>